

МАРИЯ САРАГОСА

Невидимая библиотека

РОМАН

Перевод с испанского Анны Уржумцевой

phantom press

Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)
С20

LA BIBLIOTECA DE FUEGO
MARIA ZARAGOZA

© Maria Zaragoza, 2022

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Editorial Planeta

Перевод с испанского Анны Уржумцевой
Редактор Игорь Алюков

Оформление и макет Андрея Бондаренко

Мария Сарагоса

С20 Невидимая библиотека: Роман / Пер. с исп. А. Уржумцевой. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 480 с.

В бурном Мадриде 1930-х годов провинциалка Тина мечтает стать библиотекарем. Вместе со своей подругой Вевой она попадает в мир кабаре, феминистских клубов и спиритических сеансов, но гораздо больше, чем развеселяющая жизнь столицы, девушку интересует Невидимая библиотека — тайное общество, когда-то спасавшее книги, которым угрожала цензура. Тина не сомневается, что именно в этом ее призвание — спасать книги. Работая библиотекарем в осажденном франкистами Мадриде, Тина понимает, что в спасении нуждаются не только запрещенные, но и все книги, ведь война ведется и на книжном фронте — переписывается история, факты подменяются выдумками, а идеология вытесняет человечность. Но даже в эпицентре опустошительной войны жизнь продолжается, Тина находит свою любовь, однако ничто не мешает ей по-прежнему защищать книги, и не только от пожаров и бомб, но и от невежества и варварства. Большой роман о любви к книгам, о том, как сохранять человеческое достоинство даже в атмосфере страха и тотальных преследований.

ISBN 978-5-907943-10-0

© Анна Уржумцева, перевод, 2025
© Андрей Бондаренко, оформление, 2026
© «Фантом Пресс», издание, 2026

Оглавление

ПРОЛОГ	
Казнь огнем	11
ГЛАВА 1	
Величайший секрет, какой я могу тебе доверить	17
ГЛАВА 2	
Мы судим о людях по себе	43
ГЛАВА 3	
То, что я пока не могу понять	72
ГЛАВА 4	
Без кровопролития	95
ГЛАВА 5	
Столбы дыма	117
ГЛАВА 6	
Подумать о своем будущем	135
ГЛАВА 7	
Первая траншея	153
ГЛАВА 8	
Стражи книг	179
ГЛАВА 9	
Взять эту крепость	200
ГЛАВА 10	
Откуда мне было знать	220
ГЛАВА 11	
Нечто необычайное при необычайных обстоятельствах ...	239

ГЛАВА 12	
Мрачное предсказание	266
ГЛАВА 13	
Мечтатели, спасающие книги	285
ГЛАВА 14	
Испуганные лица и оленье глаза	314
ГЛАВА 15	
Цена жизни	333
ГЛАВА 16	
Что держит нас на плаву	354
ГЛАВА 17	
Право рассказывать историю	375
ГЛАВА 18	
Риск выстудить сердце	397
ГЛАВА 19	
Бессмертный, как его идеи	417
ГЛАВА 20	
Никто нас не вспомнит	440
ЭПИЛОГ	
Формы сопротивления	471
Благодарности	477

Тем, кто спасал сокровища
испанского искусства и библиотек
во время гражданской войны.

Тем, кого предпочитали
не замечать.

Тем, кто хоть раз
чувствовал себя невидимым.

Элене — лучшему дару,
что поднесла мне эта книга.

Фернандо Мариасу,
нашему лунному лучу во тьме

ПРОЛОГ

Казнь огнем

30 апреля 1939 года

Почти три года спустя красное платье висело на том же месте. Спрятанное от пыли в глубине шкафа и оберегаемое от моли лимонными корочками, которыми тетя пыталась заменить дефицитный нафталин. Ткань действительно была отменного качества, продавец в универмаге “Симеон” не лукавил. Я купила его в начале июля 1936 года с первой зарплаты в мадридской Национальной библиотеке и хотела надеть на гуляния в честь Девы Паломы¹. Но в то лето в нашу жизнь вторглась война², и в наивном порыве я пообещала себе надеть его в день, когда война закончится. И вот сейчас я исполнила свое обещание.

Сначала мне не хотелось наряжаться — из-за войны мы все сделались угрюмыми и недоверчивыми. Еще мне казалось странным идти куда-то, в то время как все, что мне дорого, находится дома. Праздники казались мне неуместными, словно я выздоравливала после долгой болезни и никак не могла привыкнуть со своим новым телом — меня больше не сотрясала лихорадка, а ноги уже могли доставить меня из пансиона тети Паки³ в старое здание университета

1 Почитаемый в Мадриде образ Девы Марии. — Здесь и далее примеч. перев.

2 17 июля 1936 г. в Испанском Марокко (а 18 июля — и собственно в Испании) начался приведший к гражданской войне мятеж военных, важную роль в котором сыграл будущий диктатор Испании Франсиско Франко.

3 Пака — уменьшительная форма женского имени Франсиска.

на улице Сан-Бернардо, где впервые с 1936 года отмечали День книги.

Незадолго до того в коридорах Национальной библиотеки я столкнулась с Хосе Альваресом Луной, заведовавшим с начала войны университетской библиотекой. Он шепнул — в то время мы говорили шепотом, — что в воскресенье в Центральном университете празднуют День книги и хорошо бы мне там показаться. Ни я не спросила, кому именно я должна показаться, ни он не стал вдаваться в подробности — такая тогда была жизнь. Я просто кивнула, а Альварес Луна добавил: “В двенадцать пополудни, и постарайся одеться прилично, ты знаешь, что они придают большое значение внешнему виду”. Я снова с благодарностью кивнула.

И все же стоило мне надеть праздничное платье, пахнущее лимоном, и убедиться, что белые туфли всего-то слегка запылились, как меня охватило ощущение счастья. Меня даже не заботило, что после голодных лет одежда висит на мне мешком. Я ошиблась: возвращалась я не после болезни, а после смерти. Война закончилась, мы выжили. Возможно, нам было еще на что надеяться.

Дойдя до проспекта Гран-Виа, я по привычке перешла на нечетную сторону. В предыдущие три года мы уверовали, что при обстреле она безопаснее четной. Не случайно гражданские прозвали проспект Гаубичным, а военные — Сто пятьдесят пятым, кажется, это калибр прилетавших снарядов. Но сейчас все словно решили поскорее забыть недавние сражения: уже разобрали доты и баррикады, убрали мешки с песком, которые должны были защищать город в случае атаки со стороны парка Каса-де-Кампо. Говорят, что впервые в истории большой город подвергся массовой бомбардировке с воздуха. Мне же казалось, что это не самолеты, а драконы сметали целые улицы. Отель “Флорида” на площади Кальяо выстоял, но все прочие здания вокруг походили на театральные декорации, которые вот-вот развеют иллюзию, в которой мы жили с 1936 года: го-

лые стены, окна, разъявленные, как огромные рты, за которыми угадывались похожие на выбитые зубы обломки рам, стекол и вещей, принадлежавших кому-то, прежде чем налетели драконы и смерть. От многих домов только это и осталось — фасады, а за ними хаос, руины, опустошение.

И все-таки устоявший отель, несмотря на выщербленный фасад, подобно моим белым туфлям и красному платью, внушал надежду на воскресение. Глядя на него, я вспомнила, какие чудесные книжные ярмарки устраивались на бульваре Реколетос, пока все не рухнуло, и подумала, что праздник на улице Сан-Бернардо наверняка будет их бледной тенью — фасадом, призванным показать, что придет на смену руинам.

Когда я подходила к старому зданию филологического факультета, будившему столько воспоминаний, сердце захолонуло от радости, глупой, как любой внезапный приступ счастья. Жизнь начнется заново. Наконец наступит мир. Усталость последнего года испарилась, возрождение книжных ярмарок обещало свободу. Разве не ее олицетворяют книги? Быть может, победители и впрямь проявят великодушие.

Мне бы заподозрить неладное, когда в университетском дворе, где с конца XIX века располагался Ботанический сад, а в последние годы сажали картошку, все взоры устремились на меня. Мое красное платье горело, как маяк в ночи, потому что почти все остальные собравшиеся были в темном: мужчины — в синих нанковых рубашках фалангистов¹, большинство женщин с головы до ног в черном, при гребне и мантилье, словно только что из церкви. По сторонам от специально возведенной трибуны стояли два огромных флага: новый государственный, красно-золотой

1 Испанская фаланга — фашистская партия, созданная осенью 1933 г. Хосе Антонио Примо де Риверой и поддерживавшая мятежников в 1936 г. В апреле 1937 г. Франко объявил об объединении фаланги с другими силами в партию «Испанская фаланга традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления», которую сам и возглавил.

с черным орлом Святого Иоанна, и фалангистский, а между ними сидели представители власти — трое мужчин, которым даже их шитые золотом кители не могли придать величественный вид.

Между трибуной и остальными присутствующими возмоздилась башня из книг, что меня заинтриговало. Быть может, они хотели, чтобы мы раздавали их на улицах, как девушки из “Социальной помощи” раздают хлеб? Если речь шла об этом, то выбор книг показался мне не самым удачным. Направляясь к центру двора, где толпились другие библиотекари, я успела прочитать некоторые названия: несколько томов энциклопедии “Эспаса”, все четыре тома “Войны и мира” и даже кулинарная книга о приготовлении мяса. У кого в те дни было мясо?..

Я успокоилась, увидев на трибуне знакомое лицо. Несмотря на фалангистскую форму и знаки различия, я узнала молодого профессора права, с которым Федерико Гарсиа Лорка познакомил нас на премьере “Кровавой свадьбы”¹, — Антонио Луну. Но не стихи убитого поэта² слетели с его уст, а знаменитый фрагмент шестой главы “Дон Кихота” с рассуждениями о судьбе рыцарских романов, которые свели с ума злосчастного идальго. Я оглянулась на остальных, и мне показалось, что я одна ничего не понимаю. Наконец приятель Лорки завершил свою речь подобием судебного вердикта:

— На пути создания единой, великой и свободной Испании мы должны приговорить к сожжению книги сепаратистов, либералов, марксистов, распространителей “черной легенды”³, врагов католической веры, болезненных романтиков, пессимистов, порнографов, экстравагантных

1 Трагедия 1932 г. испанского поэта и драматурга Федерико Гарсиа Лорки (1898—1936). Премьера состоялась 8 марта 1933 г. в Мадриде.

2 Ф. Гарсиа Лорка был расстрелян в окрестностях Гранады в августе 1936 г., вероятно, местным отделением фаланги или гражданской гвардии.

3 “Черная легенда” — комплекс негативных представлений об испанцах, сложившийся в среде стран — политических противников Испании (Италии, Нидерландах, Англии) ко второй половине XVI в.

модернистов, пошляков, трусов, лжеученых, а также скверные романы и бульварные газеты. В нашем списке Сабино Арана¹, Жан-Жак Руссо, Карл Маркс, Вольтер, Ламартин, Максим Горький, Ремарк, Фрейд и “Мадридский геральд”.

День книги в 1939 году был отмечен сожжением томов в Центральном университете Мадрида, назвали это событие “аутодафе”, словно мы возвращались в те времена, когда иудеев, еретиков и обвиненных в колдовстве приговаривали к сожжению на костре. Молодой фалангист облил башню из книг горючей жидкостью, а девушка в форме Женского подразделения Испанской фаланги — красный берет, синяя рубаша и темная юбка ниже колена — подала председателю горящий факел, и тот запалил погребальный костер. Руки взлетели в направлении огня в фашистском приветствии, и кто-то запел гимн фалангистов “Лицом к солнцу”, подхваченный большинством присутствующих.

Там же стояли и мы — еще недавно рисковавшие жизнью ради спасения того, что теперь так празднично пылало. Я огляделась в надежде перехватить чей-нибудь взгляд, но напрасно. Наверное, происходящее вызывало у моих соратников в равной мере стыд и ярость. Я встретила лишь взгляд больших черных глаз, которыми так восхищалась прежде и которые трудно было узнать под сулящим неприкосновенность красным беретом Женского подразделения, — раньше она ни за что бы его не надела. Запалив костер, она вернулась в строй.

Она не отвела взгляд. Может, заметила, что я плачу, хотя пошел дождь и его капли мешались на моем лице со слезами. Одна я плакала, слушая, как шуршат страницы, поглощаемые пламенем. Одна я не совладала с отчаянием и ужасом. Я не могла вынести ее предательства и не сдержалась. Странно, что я испугалась после всего, что видела, но

¹ Сабино Арана Гойри (1865—1903) — баскский политик, основатель и идеолог баскского национализма.

я подумала, что человек, сжигающий любимые книги, не остановится и перед сожжением любимых людей.

Тот костер навсегда изменил мою жизнь, и девушка, наивно защищавшая право людей на трусость, погибла вместе со страницами, обратившимися в пепел. Я приняла решение и потому пишу сейчас эти строки: иногда маленькие люди вершат великие дела, о которых потом молчат.

Любителям коротких историй достаточно будет узнать, что я, Тина Вальехо, всех обманула. Всех, кроме той, что, не сводя с меня взгляда, бросила в огонь сигаретный мундштук с золотой гравировкой — двойной буквой “В”. Любителям длинных историй придется прочитать эту книгу, чтобы воскресить мертвых и увидеть невидимых.

ГЛАВА 1

Величайший секрет, какой я могу тебе доверить

Май 1930 года

Я всегда хотела работать в библиотеке. Помню, дома в детстве я раскладывала наши потрепанные книги по цветам и размерам — единственное интеллектуальное занятие, на которое мама не смотрела косо, принимая его за усердность домовитой хозяйшки, каковой мне, по ее мнению, надлежало стать в будущем.

Когда спустя годы я захотела сдать вступительные экзамены на филолого-философский факультет в Мадриде, то была уверена, что мама не разрешит. Маму звали Мария Консоласьон Эсперанса Рамирес де Вильегас, но все обращались к ней исключительно “донья Консоласьон”. Даже папа иногда называл ее так — не без ехидства. Трудно было допустить фамильярность в отношении женщины столь строгих правил, продолжавшей носить корсет, даже когда корсеты вышли из моды. Быть может, из чувства противоречия я, сколько себя помню, всегда представлялась Тиной, что крайне раздражало маму, и, верная своему принципу полного имени, она неизменно обращалась ко мне “Агустина Каталина”, растягивая “и”, чтобы продемонстрировать неудовольствие, власть и легкое презрение.

За этим пугающим обращением неизменно следовала присказка: “Вся в свою тетку Марию де лос Долорес”. Несомненно, имелась в виду свойственная нам с тетей Лолитой хаотичность, наша с ней неспособность ходить на каблуках, а также наша общая любовь к книгам, выводившая

маму из себя. В первые годы жизни я терялась, пытаясь определить роль тети Лолиты, единственной маминой сестры, в нашей семье. Но однажды она исчезла — решила получить образование и уехала, хотя истинная причина заключалась, вероятно, в желании сбежать подальше от доньи Консоласьон, которая всегда была суровее, стройнее и требовательнее сестры. Когда мои родители получили наконец весточку от Лолы, та была уже замужем за учителем из Андалусии, о котором я не слышала ни одного доброго слова. Мама неустанно твердила, что тетя Лолита с детства избалована, поскольку родилась, когда бабушка с дедушкой уже не надеялись зачать еще одного ребенка, но правда состояла в том, что тетя сама стриглась, любила поесть, сходила в кино, выкурить тайком сигаретку. Словом, она любила то, чего не любила ее сестра, а именно — жизнь.

Сейчас мне думается, что я плохо знала отца. Он был человек властный и веселый, но это мог сказать любой, кто видел его хотя бы пару раз. Сколько себя помню, он восхищался Бенито Муссолини и поддерживал диктатуру Примо де Риверы¹ даже в самые трудные времена; после падения монархии он присутствовал на учредительном собрании Испанской фаланги в мадридском Театре комедии и щеголял в деревне в синей рубашке задолго до того, как другие стали искать укрытия под сенью этой организации во время войны. Тем не менее он постоянно ласково подшучивал над тетей Лолитой, называл ее “большевичкой”, чем выводил маму из себя. У нас были деньги, несколько тысяч гектаров земли и автомобиль испано-швейцарской компании — первый, что я видела в жизни, и долгое время единственный, что колесил по дорогам нашей комарки².

1 Мигель Примо де Ривера (1870—1930) — испанский военный и политик, организатор бескровного переворота 13 сентября 1923 г. (с молчаливого согласия короля Альфонса XIII) и глава правительства Испании; отец Хосе Антонио, основателя Испанской фаланги.

2 Комарка — административно-территориальная единица Испании (на комарки делится провинция).

Мы жили в деревне в провинции Сьюдад-Реаль в огромном доме, где сновали горничные, конюхи, повара, гувернантки и другие слуги, которые я даже не знаю, чем занимались.

Я была уверена, что и отец воспротивится моей учебе в университете, но нет, и впервые в жизни мы оба удивили маму.

— Дорогой, университет не для женщин.

— Как и невежество. Особенно когда речь идет о моей родной крови. Если у масонов дочери учатся в университете, наша тоже может.

Я воспользовалась этим удивительным поворотом, чтобы заявить о своем желании поселиться в Женской резиденции. Мама завела речь о пансионе кармелиток, что прозвучало для меня как “монастырь” и, разумеется, не вызвало энтузиазма и у папы: к церкви он испытывал почти такую же неприязнь, как к масонам.

— Тина будет жить у моей сестры Франсиски, и точка. Это решено. (Так папа обычно завершал споры.) Самое главное — подготовить детей к будущему, донья Консольасон.

— Мальчиков — да, но девочек... — попыталась возразить мама.

— Времена меняются!

Мама наградила меня яростным взглядом, но промолчала. Когда же папа ушел диктовать телеграмму Франсиске, мама пробормотала, словно в комнате никого больше не было: “Вся в свою тетку Марию де лос Долорес”, перекрестилась и вышла.

Стоило мне остаться в одиночестве, колени у меня подкосились и я рухнула в кресло. Хотелось кричать или броситься со всех ног через поле к Фелипе, моему лучшему другу, и объявить, что все получилось, что я еду учиться в Мадрид. Хотелось написать тете Лолите и все ей рассказать, но мысль, которую я не сразу смогла сформулировать, удержала меня. Постепенно она приняла форму вопроса:

“Это та самая папина сестра, которую я с детства не видела?”

Папа никогда не говорил о своих братьях и сестрах, и тетю Франсиску я помнила весьма смутно — сгусток энергии в чем-то черном, который уже лет сто не появлялся в нашем доме.

Фелипе был сыном богатого землевладельца, друга нашей семьи. Почти все земли в округе принадлежали или его отцу, или моему, и они всегда приглашали друг друга на роскошные банкеты, не приносившие маме никакого удовольствия. У Фелипе было пять сестер, разряженных как куклы, и между семьями существовала договоренность, что в будущем мы с ним поженимся, чтобы объединить состояния, а заодно положить конец некоторым земельным тяжбам, хотя нам с Фелипе это казалось почти что шуткой. Фелипе был моим единственным другом. Оба мы в то время учились на дому и мало общались с другими детьми, помимо собственных братьев и сестер, и слишком хорошо сознавали, к какому социальному классу относимся. Мы оба были тихими, молчаливыми, немного мечтательными, оба любили книги. Мы часами сидели рядом, не произнося ни слова, читали стихи или смотрели на звезды. Фелипе обожал звезды и знал все названия. Его влекли естественные науки, однако по решению отца ему предстояло учиться в Саламанке на юридическом факультете.

Когда я прибежала рассказать, что мне разрешили поехать в Мадрид, Фелипе чистил Тисону — спасенную им хромую кобылу. “Если не даешь отвести ее на бойню, — сказал ему отец, — будешь сам за ней ухаживать”. Благодаря заботам Фелипе Тисона поздоровела и, хотя уже не скакала, как раньше, вполне могла тянуть повозку. Воскресными вечерами Фелипе заплетал ей гриву в косы и выезжал верхом, а я смеялась, потому что барышни глаз с него не сводили.

Фелипе краснел и винил во всем кобылу — красотку светлой масти, даже и не скажешь, что она старая и хромая.

Фелипе бережно водил щеткой по крупу лошади. Филипе был красивый и высокий, а в обтягивающих бриджах и сапогах для верховой езды казался еще выше. Взгляд у него всегда был мечтательный, на четко очерченных скулах темнели две родинки, похожие на звездочки. Когда я сообщила, что уезжаю в Мадрид, улыбка у него сделалась грустной.

— Я хочу поселиться в Женской резиденции, — добавила я, — но папа настаивает, чтобы я жила в пансионе у его сестры, а я ее даже не помню.

Фелипе издал неопределенный звук, то ли одобрения, то ли несогласия. Казалось, ему неинтересно, о чем я говорю.

— Предполагается, что потом мы поженимся, — сказал он.

Его слова сбили меня с толку.

— Да ну! Это всё родители насочиняли.

— Поверь, они всё обдумали. У нас гораздо меньше свободы, чем тебе кажется.

Это замечание меня задело. Фелипе никогда еще так со мной не разговаривал.

— Думаешь, они про нашу свадьбу всерьез?

— Конечно. — Он взглянул мне в глаза.

— А ты что, против образованной жены?

Тон Фелипе так меня рассердил, что я ответила ему в том же духе. Мой вопрос прозвучал скорее как угроза. Фелипе как-то печально ссутулился и опустил глаза на лошадиный бок.

— Нет, но мы почти не будем видеться.

Об этом я не подумала. Во время учебы мы окажемся разлучены. Я почувствовала какую-то стесненность в груди, а радость, что привела меня к Фелипе, вдруг обратилась в грусть. И, позабыв про все приличия, я обняла его, прямо там, в стойле. Фелипе застыл точно каменное изваяние,

неподвижное и прекрасное, и лишь спустя несколько мгновений обнял меня в ответ. Это было наше первое объятие.

— Я буду скучать, — прошептала я.

— Я тоже, Тинита, — ответил он хрипло. — Но я буду приезжать к тебе. Жениху это позволительно.

Я не стала спорить с тем, что мы жених и невеста. Может, так оно и было. В конце концов, непросто противиться родительской воле. Мы простояли так несколько минут, а потом Фелипе вдруг отстранился и отступил на пару шагов:

— У меня для тебя есть кое-что.

Он достал из кармана платок и, смущаясь, осторожно развернул. В платке сверкнуло кольцо с темным, кроваво-красным гранатом огранки “изумруд” в модернистской оправе.

— Какая красота!

Фелипе надел кольцо мне на палец, оно подошло идеально. Я была так счастлива, что даже не удивилась и не заподозрила, что все могло быть подстроено матерью — вероятно, она все уши ему прожужжала про мой отъезд в Мадрид, потребовала предпринять что-нибудь, дабы укрепить отношения, и помогла не ошибиться с размером. В то мгновение я думала только о Фелипе, уверявшем, что гранат принесет мне удачу. Подарок пробудил в памяти лучшие мгновения нашего детства.

В течение следующих месяцев, пока я готовилась к вступительному экзамену, мы вели себя так, словно предназначены друг другу. Теперь мы редко читали стихи и редко смотрели на звезды, паузы в наших разговорах стали длиннее, молчание глубже. Наконец наступило утро отъезда, обещающее начало новой жизни.

Тетя Лолита настояла на том, чтобы поехать на экзамен вместе со мной. Она говорила, что у ее мужа дела в Мадри-

де и он может нас отвезти. Родителям нечего было ей возразить, потому что иначе им пришлось бы отправлять меня одну на поезде. Лолита объявила, что они заедут за мной накануне экзамена и мы переночуем у ее друзей. Отец буркнул, что наверняка они республиканцы, но особо не протестовал.

В назначенный день тетя Лолита ураганом влетела к нам. Я вышла с небольшой сумкой (две перемены белья, ночная сорочка и пара учебников), которую тетя вырвала у меня из рук. Ее муж ждал в автомобиле. Он никогда не заходил в дом — кажется, его у нас не жаловали. Я не сомневалась, что они поссорились с отцом из-за политических разногласий и потому я его почти не видела. Моя память не сохранила его лицо и голос, и из того путешествия я помню лишь разговор с тетей Лолитой, перекрываемый шумом мотора, и взгляд, который она бросила на мое кольцо:

— Подарок Фелипе?

— На счастье. Говорят, гранат приносит удачу.

— Еще говорят, что он символизирует верность обязательствам.

В тетином голосе я уловила намек и покраснела.

— Не думаю, что Фелипе это знает.

— Кольцо в любом случае означает верность, тебе не кажется?

— Поэтому ты его носишь? — отозвалась я, указывая на жемчужное кольцо у тети на пальце.

После этих моих слов тетя отвела взгляд и надолго замолчала, так что мне сделалось неуютно. Заговорив снова, она сменила тему:

— Фелипе из тех мужчин, что отстаивают свое право быть трусами, он никогда не будет счастлив, всегда будет подстраиваться под тех и этих. Сейчас он угождает отцу, потом место отца займет начальник или жена, но я не думаю, что этой женой будешь ты. Ты в меня: всегда будешь следовать голосу сердца. Выходи только за того, с кем каждый день будет праздником. Фелипе хороший, но он не для тебя,